



К СТОЛЕТИЮ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ
THE CENTENARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION

УДК 323.22

**ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
МОДЕРНИЗИРУЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ МОДЕРНА?**

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION: MODERN VERSION OF ART NOUVEAU?

Р.Г. Аббасов¹, О.С. Борисова¹, В.П. Римский²
R.G. Abbasov, A.S. Borisova, V.P. Rimskiy

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7
State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: rasimchik93@mail.ru; borisova@bsu.edu.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье отмечается, что тема «русской революции» («русских революций») в критической («ужасная революция») или апологетической («Великая Революция») версиях никогда не уходила из сознательного поля и бессознательного подполья «дискурса современности». В связи со столетней годовщиной Русской революции, что и следовало ожидать, опубликованы как серьезные исследования этих «событий», так и в медийном пространстве реаниминированы старые «мифы о революции». «Мифы о революции» очевидным образом связаны и с «мифами революции». Авторы рассматривают природу Русской Революции 1917 года как единый процесс, обусловленный сложными конфликтами в развитии мировой культурно-цивилизационной системы Модерна и отечественной цивилизации: конфликтами традиционализма, капитализма и индустриализма, империалистической интернационализации и этнокультурной специфики.

Abstract

The article noted that the understanding of the "Russian revolution" ("the Russian revolutions") to critical ("terrible revolution") or apologetic ("Great Revolution") versions never left the field conscious and unconscious underground "discourse of modernity". In connection with the centenary anniversary of the Russian revolution published as a serious study of these "events" and Reanimania old "myths of revolution". "Myths of the revolution" in an obvious way and are connected with the "myths of revolution". The article considers the nature of the Russian revolution of 1917 as a single process, due to the complex conflicts in the development of world civilization Modern and Russian cultural-civilizational system: conflict of traditionalism, capitalism, and industrialism, the imperialist internationalization and cultural specificity.

Ключевые слова: революция, цивилизация Модерна, традиционализм, капитализм, индустриализм, либерализм, социализм, тоталитаризм.

Keywords: revolution, civilization, Modernism, traditionalism, capitalism, industrialism, liberalism, socialism, totalitarianism.

Распад СССР и реального социализма в «бархатных революциях», «цветные революции» на постсоветском пространстве и «сетевые революции» в странах Азии и Африки следует номинировать в качестве «ситуативных» и «технологических» политических революций (скорее, ситуативных и технологических политических «переворотов») нежели



«социальных революций» – все эти события никак не отменяют жёсткой альтернативы между традицией и модерном, капитализмом и социализмом, реформой и революцией, революцией и политическим переворотом, и т.д. Революция, как миф и идея, возможность (сила) и действительность (насилие), по-прежнему рассматривается и как угроза, и как «локомотив истории».

«Революция» – не столько понятие, сколько концепт и даже «блуждающая» метафора, возникнув как политический термин, «перекочевывает в область политической публицистики. Оттуда понятие совершает метафорический перенос в сферу философии и науки, обретая статус концепта, инструмента исследования реальности. Однако и в качестве концепта «революция» не задерживается. XX столетие вновь вбрасывает «революцию» в сферу публицистики и даже повседневного общения» [Концепт «Революция», 2008. С. 6]. В своем первом приближении к рационализации дискурса революции мы и обозначим её именно как концепт в современном смысле [Делез Ж. Гваттари Ф., 2009; Мельник Ю.М., Римский В.П., 2013. С. 11-41]. Мы в своей статье ограничимся попытками философско-культурологической категоризации концепта «революция», перевода его смыслов в понятийные, рационально-критические значения.

В последнее время опубликованы многочисленные серьёзные работы [Сорокин П.А., 2005; Завалько Г.А., 2005; Антропология революции, 2009; Грязнова О.С., 2009; О причинах русской революции, 2010; Стародубровская И.В., Май В.А., 2004; Малиа М., 2015; Революция как концепт и событие, 2015; Трунов А.А., 2017. С. 78-89; и др.], в которых подведены итоги «теории революции», в том числе включающие и тематизацию «русской революции». Можно отметить и наиболее репрезентативные обзорные публикации западных социологов Теды Скочпол [Skocpol T., 1979; Skocpol T., 1994; Скочпол Т., 2017; и др.], Джека Голдстоуна [Goldstone J., 1980; Голдстоун Дж., 2006. С. 58-103; Голдстоун Дж., 2017.] и российского историка Э.Э. Шульца [Шульц Э.Э., 2016; и др.], которые избавляют нас от предваряющей постановки проблемы «в общем виде».

Скочпол одна из первых в современной «социологии революций» ещё в 70-е годы прошлого века, на волне «студенческих контркультурных революций» эпохи постмодерна, попыталась подвести определённые итоги в этом исследовательском поле. Оставаясь на принципиальном рациональном базисе марксистских интерпретаций, она критически воспринимает и саму марксистскую версию теории «социальной революции», и её либеральную критику в западных теориях, выделяя четыре «парадигмы»: марксистская, общепсихологическая, системно-ценностная и политико-конфликтологическая теории социальной революции [см.: Скочпол Т., 2017. С. 23-90]. Она дала как собственное определение социальных революций, так и отмечала совпадение в принципиальных моментах всех теоретических парадигм. «Социальные революции, – писала она, – это быстрые, фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества; они сопровождаются и отчасти осуществляются низовыми восстаниями на классовой основе. От другого рода конфликтов и процессов трансформации социальные революции отличаются прежде всего комбинацией двух обстоятельств: совпадением структурных социальных изменений с классовыми восстаниями и совпадением политических трансформаций с социальными... вначале изменения в социальных системах или обществах порождают поводы для недовольства, социальную дезориентацию или новые классовые и групповые интересы и потенциал для коллективной мобилизации. Затем развивается целенаправленное, массовое движение (объединённое с помощью идеологии и организации), которое затем сознательно пытается опрокинуть существующее правительство, а возможно и весь социальный порядок. В заключение, революционное движение вступает в схватку с властями или господствующим классом и, в случае победы, принимается за установление собственной власти и реализации своей программы» [Скочпол Т., 2017. С. 25, 26, 44-45].

Голдстоун критикуя Скочпол и также выделяя в свою очередь «четыре поколения» в исследовании революций, фактически оставил за бортом и марксизм, и либеральные теории XIX и начала XX века, растворив их в «академических» версиях теории революции



последних десятилетий (он относит теорию Скочпол к последнему, «третьему поколению»). Голдстоун также даёт собственное определение: «Поэтому лучше всего определить революцию одновременно и как объективные, наблюдаемые феномены массовой мобилизации и институциональных изменений, и как движущую ими идеологию, включающую представление о социальной справедливости. *Революция* – это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [Голдстоун Дж., 2017. С. 19]. Оно вряд ли отличается новизной, но следует отметить, что Голдстоун его корректирует существенными моментами, особенно учётом «культурных факторов», отличая их от «идеологий» [Голдстоун Дж., 2006. С. 64, 69, 77]. Парадоксальным выглядит его оптимизм по отношению к перспективам академических теорий «четвёртого поколения»: «В последние годы исследование причин, закономерностей развития и результатов революций расплзлось по темам и дисциплинам подобно амёбе, растягиваясь в различных направлениях в ответ на те или иные стимулы... Судя по всему, третье поколение теорий революции сходит со сцены. Ни одной общепризнанной теории четвертого поколения еще не создано, но контуры такой теории ясны» [Голдстоун Дж., 2006. С. 58, 103]. Мы так подробно цитируем данных авторов потому, что они демонстрируют нам и академическую добросовестность, и философскую упрощённость американских аналитических теорий социальной революции, фактически не учитывающих «континентальные», европейские философские традиции (в том числе и «консервативные») [Боянич П., 2017. С. 92-100] в своей интерпретации социальных революций.

Наш соотечественник Э.Э. Шульц, корректируя обзоры западных политологов и социологов и выделяя (как минимум) пять «поколений исследователей революции», столь же пессимистично признаётся: «Итак, историография теории революции пережила рождение и всплеск интереса в XIX в. (30-70-е гг.), четыре всплеска в XX в. (начало века, 20-30-е гг., 50-70-е, 90-е гг.), новый ренессанс наметился с началом XXI в. Эта историография за последние пятьдесят лет сформировала *собственные стереотипы и устоявшиеся шаблоны*... Как следствие *отсутствия точной устраивающей формулировки понятия «революция»* довольно распространенной тенденцией последнего времени стало избегание вопросов определения, замена термина «революция» на ряд синонимичных словообразований, например, «революционное движение», «революционные войны», «революционные преобразования», «демократизация» и т.д. (выделено нами – авт.)» [Шульц Э.Э., 2016. С. 23, 32].

Для нас тут возникает проблема: может быть, всё новое в исследовании революций всегда оборачивается хорошо забытым старым? Может быть, в исследовании революций и надо начинать «с начала», «возвращаться к началу», как это требуют и первичные смыслы термина «революция», на что указывала в своё время Х. Арндт, до конца жизни демонстрировавшая выучку «континентальной философии»?

Она писала, отмечая укоренённость феномена революций в культурной почве модерна: «Связь проблемы начала с феноменом революции очевидна. О связи начала и насилия гласят легенды о заре человеческой истории в их библейском и античном вариантах... Современное понимание революции, неразрывно связанное с представлением об открываемом ею новом этапе истории, с идеей совершенно новой исторической постановки, содержание которой ранее не было известно и которую надлежит осуществить впервые, можно датировать временем двух великих революций конца XVIII века... Таким образом, главным в современных революциях является соединение идеи свободы с опытом начала чего-то нового... Свобода же предполагает учреждение новой или, скорее, заново созданной формы правления. Свобода требует установления республики... Только там, где присутствует пафос новизны и где новизна сочетается с идеей свободы, мы имеем право говорить о революции... Только там можно говорить о революции, где изменение обретает черты нового начала, где насилие используется в целях учреждения совершенно



иной формы правления, создания нового государства, где целью освобождения от угнетения является по меньшей мере установление свободы» [Арендт Х., 2011. С. 17, 30, 31, 37, 39, 40]. И хотя эти высказывания Х. Арендт относятся к Американской и Французской революциям XVIII века, далее она показывает их применимость и в отношении Русской революции XX века, в которой она, в отличие от современных мифологизаторов, находит не столько «демоническое начало», сколько великие эмансипирующие смыслы*.

Но как совместить «новое начало свободы», полагаемое любой настоящей революцией (не переворотом или восстанием!), с её исконными смыслами «поворота», «откатывания», «круговорота» и «возвращения»? Ведь этимологическая первозданность концепта «революция» требует его употребления в исходном естественнонаучном смысле «вращения тел», их «поворота» наподобие колеса (книга Н. Коперника издания 1543 года и озаглавлена «Об обращении небесных тел» или «De revolutionibus orbium coelestium»), а уж потом возникают политические коннотации революции как «переворота» или консервативные смыслы «оборачивания», «сворачивания» и «возврата». Приключения термина «революция» и его извращающих переводов очень хорошо описал Э.Э. Шульц [Шульц Э.Э., 2016. С. 93-113; Шульц Э.Э., 2016-б. С. 87-93]. Такие мыслители, как Н. Макиавелли, Ф. Бэкон и Т. Гоббс, если и используют в своих текстах термин «революция», то рядом и вместо политических «восстаний» и «переворотов», употребляя его сугубо образно и метафорически. Философско-политические смыслы и значения термина получает первоначально лишь в период реставрации английской монархии (уже в качестве «конституционной») и так называемой «Славной революции» с последующим восхождением (возвращением) на престол Вильгельма III Оранского и Марии II, на что и указывала Х. Арендт [Арендт Х., 2011. С. 52]. Таким образом, здесь «революция» номинирует консервативный проект «реставрации», возрождения «доброе старое время».

«Во второй половине XVII-XVIII в. этот термин захватывает пространство, – отмечает Э.Э. Шульц. – Пьер Бейль (1647-1706) издал в Роттердаме в 1696 г. «Исторический и критический словарь», здесь в статье про Анаксагора используется «революционер», а в статье про Лютера – «революция», «которую совершил Мартин Лютер». Британцы лорд Болингброк (1678-1751), Эдмунд Бёрк (1729-1797), Давид Юм (1711-1776) уже всю используют термин «революция» в отношении двух Английских революций – 1640 и 1688 гг. Этот термин используют многие представители французского Просвещения: Монтескье, Дидро, Гельвеций, Дешан, Кондильяк – и, конечно, деятели американской революции» [Шульц Э.Э., 2016. С. 103]. Но именно последние, как представители и выразители, «теоретики» и «практики» либерализма вписывают термин и концепт «революция» в прогрессистский дискурс «нового времени».

Таковой «революция» остаётся и в марксистском дискурсе: таким локомотивом истории, несущим в мир «прогресс», «свободу» и «новое начало», «новое время» и «новый мир». Вот характерное положение из фундаментальной позднесоветской книги: «В ходе революционного скачка разрешается основное противоречие системы, постепенное обострение которого до эволюционной стадии ее развития и привело к скачку как обновлению. Скачкообразное изменение в развитии системы сопровождается внутренне необходимым отрицанием старого новым... Но и этого мало, – революция соотносится лишь с прогрессивным развитием, с переходом от низшего к высшему. Если скачок, разрешение противоречия и отрицание ведут вспять, если с ними связан переход общественной системы с высшего уровня развития на низший, то они теряют черты революционного изменения. Революция и развитие по нисходящей линии, или, иначе, регресс, несовместимы» [Марксистско-ленинская теория..., 1983. С. 271]. Однако такому, якобы марксистскому пониманию революции, противоречит сам Маркс.

* Даже только с учётом духа новой свободы, который принесла наша революция, и установлением в истории России первой Республики можно 7 ноября отмечать как всероссийский праздник, не выдумывая каких-то других «праздничных событий». Тем более, что новейшая «смута» в нашем отечестве ещё не завершена...



Во-первых, если и клясться диалектикой, то диалектическая логика предполагает, что прямого пути в развитии нет: революция может вызывать определенный регресс, новое возникает часто в результате отката назад. А конкретно-исторический анализ всех революций, особенно классических – английской, французской, российской – показывает, что *началом* революционных изменений *всегда* становился хаос, упадок во всех сферах жизни общества. Система как бы *соскальзывает* назад в историческом развитии, начинается стихийное воспроизводство старых, отживших форм. Более того, очень часто наиболее «прогрессивные» элементы и структуры («новое») оказываются ещё нежизнеспособными, слабыми перед напором революционного хаоса, несущего в себе и разрушительный, и созидательный заряд. Это *общесистемная* логика, характерная для всех сложных органических систем.

К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» подметил эту системную логику соскальзывания общества в объятия отживших форм исторической действительности: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории» [Маркс К. Восемнадцатое Брюмера, 1960. С. 119]. Однако, в кризисных условиях общество не только имитирует старые формы, оно просто иначе не может поддерживать жизнедеятельность системы.

Подобный революционный откат всегда сопровождался *упрощением* системы. Неприкрытая нагота (простота и убогость) революций и требует исторических драпировок и идеологических маскарадов. Простота и унификация связаны с воспроизведением социокультурного однообразия, *примитивной целостности*: социальный хаос не может продолжаться бесконечно, система требует стабилизации и всегда идёт по самому легкому, простому пути – устанавливается диктатура, военный и бюрократический режим правления и экономической деятельности. Когда разрушены основы бытия людей (подобное произошло с особой наглядностью в России начала XX века и может произойти в наши дни где угодно, в любой политико-культурной точке планеты), процессы целостнообразования культурно-цивилизационной системы принимают наиболее примитивный и одновременно уродливый характер. Приходит час революционных антисистем и превращённых форм, вбирающих в нарождающиеся новые структуры все обломки и осколки прежних культурно-исторических архетипов и кодов, технологий и ритуалов, имитирующих старое и, тем не менее, прокладывающих дорогу новому общественному строю, а порой и новой цивилизации. И когда оказываются сопряженными социально-экономические, политические, религиозные, идеологические и этнические кризисы [о роли этнических кризисов в революциях см.: Соловей В.Д., 2008; Соловей В.Д., Соловей Т. Д., 2011], то и происходят наиболее мощные исторические катаклизмы и потрясения, сопровождающие революционные изменения культурно-цивилизационных систем. Совершаются *культурно-цивилизационные революции*, включающие в качестве ядра и социально-экономические, и политические революции (вопрос о революциях в древнем мире и средневековье мы оставляем в стороне).

Мы с необходимостью упираемся в понимание природы «Нового времени», цивилизации Модерна. Здесь следует сделать оговорку, чтобы ответить и на другой вопрос: насколько уместно употребление введённого Ю. Хабермасом [см.: Хабермас Ю., 2003] концепта «культурный проект модерна»? Само слово «проект» (от латинского *project* «выброшенный вперед») соответствует темпоральной идентификации модерна с его установкой на «прогресс», «новое» и «будущее» и в «аксиологическом отношении проект несет в себе *потенцию нового*» [Розин В.М., 2010. С. 359]. И употребление этого концепта и термина вошло в моду не с экзистенциализма М. Хайдеггера или Ж.-П. Сартра, и даже

не с Ф. Ницше Мы кратко излагаем суть нашей интерпретации цивилизации модерна [см.: Белоненко Е.О., Римский В.П., 2015. С. 5-24; Белоненко Е.О., Римский В.П., 2015-б. С. 65-80; Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова, 2017. С. 191-285; и др.], исходя из того понимания, что следует говорить о *плюрализме нововременной цивилизации*: «плюрализм» лежит в самых глубинных, культурно-цивилизационных и культурно-ментальных основаниях «современности». Модерн внутри себя до сих пор содержит *множественность культурных проектов* и постоянно производит «несовременные», «современные», «постсовременные» и «несвоевременные» временные и ментальные структуры, коды, образы и образцы-архетипы и присваивает их в качестве собственности и культурного капитала.

Культурные архетипы, коды и проекты Модерна наиболее зримо репрезентированы в лозунге Французской революции «*Свобода, Равенство и Братство!*». Эти слова и любили писать, особенно в революционной России, с заглавных букв, как имена «живых личностей» – типичные концептуальные персонажи любой мифологии. «Свобода» – *либерально-демократический проект*: это сочетание архетипов и кодов капитализма и индустриализма, начиная с Французской революции конца XVIII века, дало нам все причудливые метаморфозы в революциях последующего столетия – вплоть до Великой русской революции. Дальше этого буржуазно-демократические революции, включая и русскую революцию 1905-1907 годов, на практике не пошли. Здесь был реализован лишь только один проект Модерна.

Правда, марксистская теория (первое поколение осмысления революций) на их опыте всё время забегала вперёд, призывая как несвоевременные призраки коды социализма и коммунизма, так и несвоевременные События (Парижская коммуна была преждевременной попыткой реализации социалистического проекта). Этот «призрак коммунизма» заставил вмешаться архетипы и коды «общечеловеческого» и нововременного традиционализма (концепт «Братство» в его не столько масонских, сколько религиозных смыслах), что и породило идеалы и аксиологию *консервативно-либерального проекта* в Америке и Европе.

К середине XIX века, как можно утверждать, *основное цивилизационное противоречие* между традиционализмом и модернизацией лежало и не в плоскости борьбы буржуа и феодалов, и не в перспективе классового антагонизма пролетариев и капиталистов, а проходило по вертикали противостояния крупного машинного производства и интернационального финансового капитала традиционным экономикам и рыночным механизмам свободной конкуренции, опирающимся на мелкое и среднее предпринимательство и крестьянство. Действительно *реальная основа* новоевропейской цивилизации – органическое целое машинного производства и национальной рыночной (капиталистической) экономики – под воздействием финансового капитала подвергалась патогенной трансформации. Финансовый капитал, сам постоянно порождаемый, в конечном счете, промышленным, постепенно обособился и превратился в силу, господствующую над национальными государственными интересами, стал *интернациональным*. Социалистические политические движения и марксистская коммунистическая доктрина в то время объективно играли на руку крупному капиталу, но не мифическому «пролетариату». Результаты революций XIX века в различных европейских странах были неоднозначными: их не объяснить примитивными представлениями о классовой борьбе «реакционных феодалов» и «прогрессивных буржуа».

Накануне и в ходе Первой мировой войны уже оформились все предпосылки – и экономические, и политические, и социальные, и культурные, и идеологические – для европейских «социалистических» революций с последующей трансформацией западных государств и обществ в *тоталитарно-капиталистические*. Дух Просвещения, породивший антиномию светской и религиозной культуры, традиционализма и модерна, дошёл до самоотрицания в *редактирующих вставках* (М.К. Петров) тоталитаризма в собственный код Модерна [подробнее см.: Римский В.П., 1997; Римский В.П., 1998]. Европейский Ра-



зум, так воспетый Гегелем, окончательно скончался в Зимнем дворце семнадцатого года и Версальском саду восемнадцатого года. Была ли альтернатива подобному ходу истории?

В нашей «социалистической» революции также проявилось *глобальное цивилизационное противоречие* национального промышленного капитала и интернационального финансового, монополистического капитализма и традиционной рыночной экономики (купеческого капитала). Интернациональный финансовый капитал был заинтересован в уничтожении национального политического режима династии Романовых, что, в конце концов, действительно ослабило нашу национальную экономику и промышленность. Монополизированная экономика в условиях военного времени была доведена до уровня сверхцентрализации, подверглась целенаправленному, во многом уже *плановому* регулированию. Поэтому большевикам, а вскоре и фашистским реформаторам, не составило большого труда «прибрать к рукам» готовую экономическую основу тоталитарного общества. Военный коммунизм, казавшийся некоторым историкам «временным состоянием» российского общества, обусловленным революцией и гражданской войной, на самом деле был не только результатом большевистского утопизма, но и закономерным итогом развития мировой экономики по пути сверхмонополизации, а производства – в направлении сверхиндустриализации и централизации.

Другим важнейшим условием вскоре грянувшей Революции было усиление полицейского террора со стороны Российского государства, постоянная охота за инакомыслящими и нагнетание чувства страха. Во время войны почти все западные демократии трансформировались именно в направлении полицейского государства. В России, обладавшей незначительными традициями парламентаризма, полицейские функции государства просто реализовались быстрее и в более чистом виде. Ещё со времен русской буржуазно-демократической революции 1905-1907 годов российская власть, вынужденная защищаться от политического террора революционных партий, прибегла к чисто военным способам борьбы: военные трибуналы, расстрелы, провокации в среде политических противников, шпионаж. Во время войны подобные методы получили легитимацию в виду того, что и противник действовал подобным же образом. В России и Германии полицейские средства достигли небывалого развития еще и по причине того, что именно в этих странах действовали и радикальные партии коммунистического толка, ведущие антивоенную пропаганду. Поэтому приход в Октябре большевиков к власти насильственным путем, с применением провокаций, диверсий и расстрелов, уже не вызвал шока даже в стане сознательных противников революции. Интересно, что почти все единогласно заявляли, что большевики просто *подобрали* власть, приняли на вооружение пролетарской диктатуры уже сложившуюся систему полицейского насилия, просто усовершенствовали её, дополнив, например, такими изобретениями, как всеобщая трудовая повинность и массовый террор. Русская революция 1917 года в двух своих версиях – либерально-демократический Февраль и социалистический Октябрь – была попыткой выйти из тупика государственно-монополистического, «глобального» *индустриально-капиталистического проекта тоталитаризма*^{*}.

Социалистическая революция казалась всем народам Земли в начале XX века альтернативным капиталистическому империализму проектом трансформации цивилизации Модерна в «светлое будущее», где реализуются идеалы «Свободы, Равенства и Братства». В нашей Великой революции, в её энергетике и едином смысловом поле *впервые совпали все проекты цивилизации Модерна*: либерально-демократический (свобода), социалистический (равенство) и традиционалистский (братство).

«Свобода» (вспомним картину Э. Делакруа «Свобода на баррикадах») в Русской Революции постоянно присутствовала с мифами Французской Революции эпохи Просвещения и Парижской коммуны (здесь и «комиссары», и «красное знамя») и прочая револю-

^{*} Капиталистический тоталитаризм в начале XXI века наконец-то и показал своё истинное лицо в радикально-либеральном, идеократическом проекте политкорректности и трансгуманизма.

ционная символика). Переформатирование кода индустриализма в эгалитарно-демократическую и социалистическую ипостась «Равенство» (эгалитарно-социалистический образ физического труда в скульптуре В. Мухиной «Рабочий и колхозница» и концепт «Рабочий» трактата Э. Юнгера) вместе с кодом либеральной «Свободы» вдохновлял не только лидеров Великой Русской Революции 1917 года, но и самые широкие «революционные массы». Это и было «новое начало», «начало новой эры» – эта *редакционная вставка* «социального равенства» в «либеральную свободу» и сделала нашу революцию Великой.

Но следует иметь в виду, что Русская революция, проходившая под знаком возрождения всех российских народов и «права наций на самоопределение», реально привела в движение к свободе и равенству многие массы людей, прежде всего выходцев из самых социальных низов, носителей своего собственного *этнорелигиозного традиционализма*. Вспомним рассказ И. Бабеля (еврейского интеллектуала в революции) «Сын рабби» о последних часах красноармейца Брацлавского: «Здесь все было свалено вместе – мандаты агитатора и памятки еврейского поэта, – описывает Бабель вещи умирающего. – Портреты Ленина и Маймонида лежали рядом. Узловатое железо ленинского черепа и тусклый шелк портретов Маймонида. Прясть женских волос была заложена в книжку постановлений Шестого съезда партии, и на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов. Печальным и скупым дождем падали они на меня – страницы «Песни песней» и револьверные патроны» [Бабель И.Э., 1990. С. 128-129]. Это послужило не только демократизации национальных культур России, но и породило эффект культурного диалога, обогатило коренные российское этносы и субэтносы: очень многие малые народы благодаря русскому языку как средству межкультурного общения смогли выйти на арену мировой цивилизации. Вряд ли стоит приводить многочисленные примеры – уж здесь советская пропаганда никогда не уставала подчёркивать «великие культурные завоевания Октября». И завоевания несомненно были! Именно здесь таится разгадка того феномена, что если фашистская Германия как бы «заморозила» развитие немецкой культуры, то в советской культуре под якобы удушающим гнетом официального «соцреализма» были достигнуты значительные успехи в сфере культурного творчества, в искусстве и литературе.

Перекодированный код «Братство» и культурный проект традиционализма впервые реально был сплавлен в единое целое вместе с кодами «Свобода» и «Равенство» в коммунистический проект именно в Великой Русской Революции, которая и воплощает до сих пор наиболее модернизированную редакцию Модерна. Но этот целостный *проект коммунизма как реального воплощения цивилизации Модерна* оказался несвоевременным...

Логика действительного «прогресса», как и логика его апологетов-прогрессистов – и либералов, и марксистов – повела мир по пути тоталитарного социализма. «Великая смута наших дней, – писал П.И. Новгородцев, – показала, насколько правы были эти немногие и как ошибались те, кто ожидал русской революции как торжества и счастья русского народа. Не только государство наше разрушилось, но и нация распалась. Революционный вихрь разметал и рассеял в стороны весь народ, рассек его на враждебные и обособленные части. Родина наша изнемогает в междоусобных распрях. Неслыханное расстройство жизни грозит самыми ужасными, самыми губительными последствиями» [Вехи. Из глубины, 1991. С. 433-434]. Дух революционной «свободы», «равенства» и «братства», обретавшийся в недрах дореволюционных обществ модерна, в Великой Русской Революции вырвался на волю и начал стремительно превращаться в целостный *тоталитарный дух*.

Список литературы

References

1. Антропология революции / Сб. статей. Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М., 2009.

Anthropology of revolution / Sat. articles. Comp. and edited by Irina Prokhorova, Alexander Dmitriev, I. Kukulin, M. Maiofis. M., 2009.



2. Арендт Х. О революции. М., 2011.
Arendt X. On revolution. M., 2011.
3. Бабель И.Э. Сын рабби // Бабель И.Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 128-129.
Babel I. E. The Rabbi's Son // I. E. Babel's Writings. In 2 t. T. 2. M., 1990. P. 128-129.
4. Беньямин В. Московский дневник. М., 2012.
Benjamin W. Moscow diary. M., 2012.
5. Белоненко Е.О., Римский В.П. Капитализация времени в цивилизации модерна // Наука. Искусство. Культура. № 1 (5). Белгород, 2015. С. 5-24.
Belonenko E. O., Rimskiy V. P. Capitalization of time in modern civilization // Science. Art. Culture. №. 1 (5). Belgorod, 2015. S. 5-24.
6. Белоненко Е.О., Римский В.П. Время в самоидентификации модерна // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Вып. 31. №2 (199). Белгород, 2015. С. 65-80.
Belonenko E. O., Rimskiy V. P. Time identity modernity // Scientific statement BSU. A Series "Philosophy. Sociology. Right". Vol. 31. №. 2 (199). Belgorod, 2015. S. 65-80.
7. Боянич П. Те места, откуда я сам родом. Родина, и я? // Einai. № 1 (11) СПб., 2017. С. 92-100.
Bojanic P. The places where I was born. Homeland, and I? // Einai. No. 1 (11) SPb., 2017. P. 92-100.
8. Вехи. Из глубины. М., 1991.
Milestones. From the depths. M., 1991.
9. Голдстоун Джек. К теории революции четвертого поколения // Логос. №5 (56). М., 2006. С. 58-103.
Goldstone J. Toward a theory of revolution of the fourth generation // Logos. No. 5 (56). M., 2006. Pp. 58-103.
10. Голдстоун Джек А. Революции. Очень краткое введение /пер. с англ. А. Яковлева. М., 2017.
Goldstone J. Revolution. A very short introduction /transl. from English. A. Yakovlev. M., 2017.
11. Грязнова О.С. Теоретические подходы в социологии революции: сравнительный анализ концепций П. Сорокина, Л. Эдвардса и Т. Скокпол. Автореферат дисс. ... к. соц. наук. М., 2009.
Gryaznov O. S. Theoretical approaches in the sociology of revolution: a comparative analysis of the concepts of P. Sorokin, L. Edwards and T. Skocpol. The author's abstract diss. ... к. soc. sciences. M., 2009.
12. Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005.
Zavalko A. G. The Concept of "revolution" in philosophy and the social Sciences: problems, ideas, and concepts. Ed. 2-e, ISPR. and additional M., 2005.
13. Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. СПб., 2008.
The concept of "revolution" in modern political discourse / ed. by L. E. Blyakher, B. V., mezhueva, A. V. Pavlov. SPb., 2008.
14. Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира / под ред. и с предисл. Теренса Эммонса; [пер. с англ. Е. С. Володиной]. М., 2015.
Malia M. the Locomotives of history: Revolution and formation of the modern world / ed. and with Foreword. Terence Emmons; [transl. from eng. E. S. Volodya]. M., 2015.
15. Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. М., 1960. С. 115-217.
Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte // K. Marx and F. Engels. Op. T. 23. M., 1960. S. 115-217.
16. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: Целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М., 1983.
Marxist-Leninist theory of the historical process. The historical process: Wholeness, unity and diversity, the formational stage. M., 1983.
17. Мельник Ю.М., Римский В.П. Время жить и время созерцать... Экзистенциальные смыслы и философское понимание времени в классической европейской культуре. СПб., 2013.
Melnik Yu. M., Rimskiy V. P. The Time to live and a time to... contemplate the Existential meaning and philosophical understanding of time in classical European culture. SPb., 2013.
18. О причинах русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М., 2010.
On the causes of the Russian revolution / Ed. edited by L. E. Grinin, A.V. Korotaev, S. Y. Malkov. M., 2010.

19. Революция как концепт и событие: монография Редколлегия: Вартумян А.А., Ильинская С.Г., Федорова М.М. М., 2015.
 Revolution as a concept and event: the monograph editorial Board: Vartumyan A. A., Elias S. G., Fedorova M. M., 2015.
20. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997.
 Rimskiy V. P. Demons on the crossroads: cultural and historical image of totalitarianism. Belgorod, 1997.
21. Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. Белгород, 1998.
 Rimskiy V. P. Totalitarian Space and people. Belgorod, 1998.
22. Розин В.М. Проект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М., 2010. С. 359.
 Rozin V. M. Project // New philosophical encyclopedia: in 4 t. Vol. 2. M., 2010. S. 359.
23. Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М., 2017.
 Skocpol T. States and social revolution. A comparative analysis of France, Russia and China. M., 2017.
24. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008.
 Solovey V. D. The Blood and soil of Russian history. M., 2008.
25. Соловей В.Д., Соловей Т. Д. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2011.
 Solovei V. D., Solovei T. D. Failed revolution: a Historical sense of Russian nationalism. M., 2011.
26. Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005.
 Sorokin P. A. Sociology of revolution. M., 2005.
27. Стародубровская И.В., Май В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. Изд. 2-е. М., 2004.
 Starodubrovskaya I. V., May V. A., Great revolutions from Cromwell to Putin. Ed. 2-E. M., 2004.
28. Трунов А.А. Великая французская революция и генезис классических идеологий модерна // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Вып. 41. № 17 (266). Белгород, 2017. С. 78-89.
 Trunov A. A. The French revolution and the Genesis of the classical ideologies of modernity // Scientific statement BSU. A Series "Philosophy. Sociology. Right." Vol. 41. No. 17 (266). Belgorod, 2017. P. 78-89.
29. <Римский В.П. и др.> Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллект в интерьере культурного капитала / под ред. В.П. Римского. М., 2017.
 <Rimskiy V. P., etc.> Establishing the discursiveness of Mikhail Petrov: the intellectual in the interior of cultural capital / under the editorship of V. P. Rimskiy. M., 2017.
30. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
 Habermas Yu. Philosophical discourse of modernism. M., 2003.
31. Шульц Э.Э. Теория революции: Революции и современные цивилизации. М.: Ленанд, 2016.
 Schultz E. E. Theory of revolution: the Revolution and modern civilization. M., 2016.
32. Шульц Э.Э. «Революция»: к вопросу о возникновении термина // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Вып. 38. № 24 (245). Белгород, 2016. С. 87-93.
 Shults E. E. "Revolution": the question of the origin of the term // Scientific statement BSU. A Series "Philosophy. Sociology. Right." Vol. 38. No. 24 (245). Belgorod, 2016. S. 87-93.
33. Goldstone J. Theories of Revolution: The Third Generation // World Politics (Princeton). 1980. Vol. 32. № 3. P. 425-453.
34. Goldstone J. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory // Annual Review of Political Science. 2001. Vol. 4. P. 139-187.
35. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979.
36. Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. Cambridge University Press, 1994.